

Турген Иогансаров

Гурген Георгиевич Богдасаров

Сознание иероглифа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33391815

ISBN 9785449084989

Аннотация

Отчего в наших мозгах нет столько же безмозглости, чтобы заливаться счастьем как птицы?! Отчего мы радости ставим условия? Отчего мы сами себя закупориваем? Отпусти мы себя в это, мы могли бы стать счастливее птиц...

Содержание

От автора	5
Пустыня	6
День первый	12
День второй	17
День третий	21
День четвёртый	35
День пятый	39
День шестой	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сознание иероглифа

**Гурген Георгиевич
Богдасаров**

Рисунок на обложке Гурген Богдасаров

© Гурген Георгиевич Богдасаров, 2018

ISBN 978-5-4490-8498-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Разница между умной и глупой метафизикой восхитительно неразлична, и название книги тому подтверждение. Что даёт автору свободу не объясняться, а читателю не задумываться. Правда, все обвинения в профанации старого и нового русского языка автор принимает, но утверждает, что сам текст останавливался перед иным словом и, как осёл, дальше не шёл, пока автор не измордует слово по желанию осла. Причём в степени, которая осла покажется достаточной.

Если владеешь ослом, то кто кем владеет ясно осла, а не владельцу.

Перестановка букв в словах напоминала бы весёлую детскую игру, если бы игра в жизнь и смерть не была перестановкой неведомых букв в неведомых словах, и не была одинаково серьёзной как для детей, так и для взрослых...

Пустыня

Мы все пограничники. Мы стоим на границе безумия физической бездны и нашей внутренней... Мы стоим на границе безумия свершённого времени и ещё не свершённого... в ослепительном высверке между зачатием и смертью. Наше положение столь безумно, что нечем осознать этого. Здравомыслие спасительно не отполировано, чтобы не отражать ничего. Не здравомыслие, а безумие должно было быть нашим сознанием. Чтобы видеть...

Поезд шёл вдоль длинной белой гряды известковых отложений, плясавших в воздушном раскале солончаков. Высунулся в окно. Жёсткая синь неба радует беспощадностью всё плавящего излияния. Я купаюсь в потоке горячего света, пробивая грудью раскалившийся воздух.

Проводница принесла мне, кажется, двадцатый стакан чая за сутки, но я никак не мог напиться. Единообразно плывут солончаковые кусты, отмеряемые стуком колёс, и стук этот отдаёт каким-то одиночеством поезда во всей этой безбрежности... Поезда идут здесь полупустыми и похожи на давно списанные. Они чрезвычайно уютны отсутствием напряжённой дизайнерской мысли, с напряжением которой приходится ехать всю дорогу. А здесь будто пришёл домой и сбросил, наконец, обязательную одежду.

Я в купе один. Я рад этим неожиданным жёстким шарханьям вагонов друг об друга. Я даже согласен, чтобы стакан с чаем слетал со столика, а чемодан с полки, только бы не ехать поездом первого класса, вся функция которого – как бы не потревожить покойных ягодиц и без того проспавшего свою жизнь пассажира. Заглянула проводница и объявила, что поезд станет в солончаках для профилактического обхода. Стоять будем полчаса.

И правда, ход замедлился и вдруг грубое торможение. Вагоны стали бить друг друга, и побежали по цепи длинные лязги столкновений, переходящие в долгие скрежеты и низкие, дерущие скрипы. Поезд в тиши солончаков ухнул буферами. Из под вагонов полилась вода на горячие шпалы и тут же паром стала обнимать их. Пар ослепительной плазмой поднимался в небо. Затем всё успокоилось и замерло.

Народ вывалил наружу. Всю дорогу я жадно вглядывался из окна в кусты истинно диких солончаков, но подарка идти меж ними сейчас, немедленно, никак не ожидал.

Я бросаюсь от поезда в эту дикость, поражаясь красоте трещин, паутиной бежавших между шаров кустарника. Трещины образовывали серебристо-глинистые плитки почти правильных форм. Плитки хорошо отражают солнце, а чуть дальше обретают эффект кажущейся воды несуществующего озера. Это мелкое озеро постоянно флуктуирует, приводя в движение как бы поднимавшиеся с его дна кусты.

Отсюда поезд кажется одинокой самодвижущейся обите-

лью обособленных, чуждых всему существ. В живой знойной немоте солончаков, даже на этом расстоянии слышны свисты, шипения, сливы воды под колёсами.

Два машиниста обходили поезд и длинными молоточками били по колёсам, и звук этот далеко и странно отдавался во всё... Машинисты повернули назад. Ржавые шпалы в ржавых солончаках убегали от поезда ниткой надежды, соединяя два горизонта.

Вагоны раскалены в неподвижности. Стоит калящий прожиг всего и всюду насквозь. поезду нужно двигаться, чтобы остыть на несколько градусов.

Вновь купе, вновь чай. Через несколько часов моя станция, точка отсчёта моей глупости. Более двухсот километров песка я должен одолеть до моря. И не вдоль железной дороги, а под шестьдесят градусов к ней. Выйду, выползу ли из песков, или мои выбеленные кости будут обнюхивать случайно забежавшие туда шакалы. Отныне моя жизнь, как у Кашея, будет висеть на кончике иглы стрелки компаса. А вдруг там железистые конкреции и стрелка будет чудить? Солнце плохой проводник. Постоянными коррекциями направления по Солнцу я буду выделять по пустыне нелепые траектории и время, чтобы выйти из пустыни живым будет проиграно.

Поезд стал. Мы с проводницей обменялись лицами и я спустился по лесенке вагона и прыгнул. Под ногами произошёл пылевой взрыв. Пыль расплескалась далеко и стоит

на солнце роящейся завесой.

Я здесь... Вагоны дёрнулись и всё это укатило вместе с моим уютным купе, столиком с чаем и проводницей.

До платформы далеко, и я не мог отказать себе в удовольствии прошлёпать до неё босыми ногами по глубокой пыли, и потому снимаю туфли. Пыль сжимается между пальцами и выстреливает тонкими струйками сухой жидкости. Удовольствие так велико, что я терплю ожоги почти нестерпимые.

Касса закрыта. Из живых старик перед кучкой арбузов и дынь. Понять когда он последний раз шевелился невозможно.

Всё погружено в обеспамятный душный сон, и в этом сне, с обратной стороны вокзальчика, я обнаруживаю гостиницу из двух клетушек, которые и были её номерами. Во дворе возилась восточного вида старушка, она-то и вселила меня в один из них.

В окно комнатухи видны несколько строений необязательной геометрии. Солнце выжигает улочку, но я не задёрнул занавеску. На кровати солнца нет и я, сбросив рюкзак, пал на неё и лежал недвижно, довольный что устроился.

Скоро уже выбирал арбуз у старика. Странные эти люди пустыни. В игре со временем они что-то там выигрывают. Они будто не задеваются текущим сейчас и от того их глаза так покойны и глубоки и, кажется, сама пустыня во всём объёме глядит из их зрачков...

Вернулся к себе, поставил арбуз на столик и стал разрезать. Свет попал внутрь и арбуз взорвался рубиновыми бликами.

Я жадно сжирал кусок за куском, чтобы забрать эти мгновения туда, в пески. Когда буду подыхать от жажды, буду вновь и вновь сжирать этот арбуз.

Когда бутылки с водой были готовы, вышел рассеяться.

Почти все улочки тупиковые. Стоит чуть пройти и упираешься в чью-то дверь или ворота. Всё поселение было кучей взаимонагромождений, покрытых белесой, выжженной пылью. Там, где-то, в каких-то дворах слышны голоса, но на улицах никого нет.

С десятков индюков по здешней свободе завернули в ворота гостиницы и я проследовал за ними. Достал из рюкзака булку хлеба, в пользу ещё одного литра воды, и вышел к индюкам. Брошу кусок, и они все разом, взмахивая крыльями, со страшным колготаньем бросаются к нему... и кусок достаётся счастливейшему.

Наконец стемнело и окно в комнатухе стало чёрным. Пока стояло солнце всё было ясно, но теперь смута вползла в душу.

Я не из смельчаков, замёрзшие трупы которых каждый год находят на всех вершинах мира. Я слишком вцеплен в жизнь, и слишком дорожу близкими, чтобы на их любовь ответить трагическим для них известием. Я не игрок, чтобы ставить последнее на тёмную. Игрок в этом случае может

выиграть, но есть ли выигрыш в моём выигрыше? Если проиграю и не вернусь, окажусь подлецом в отношении близких. Я уже сейчас подлец, когда ставлю себя на кон неизвестно на что.

Если выиграю, выберусь к морю – найду ли то за чем шёл... тем более что и сам, как Иванушка-дурачок, или просто дурачок, не ведаю зачем иду.

Неужели я не способен завтра уехать проходящим поездом?

К ночи я уже был связан в тяжкий нервно-паралитический узел. Несколько звёзд из глубин чёрного космоса налипли на стёкла окна и намигивают смертью... Я задёрнул занавеску.

День первый

Проснулся в утро. Понял – иду. Куда только делись так разодравшие меня к ночи переживания. Да что же мы такое, если я уже через несколько часов полон дерзости и спокойствия? Рюкзак на спине. Пошёл. Последнее строение ушло за бархан. Рюкзак переполнен водой. Но это уже не вода, а моя жизнь и это даёт силы нести её столько. Исчезли последние следы человека. Стал. Я в пустыне.

Впереди неведомое...

На мне белая шляпа, белая рубашка, белые брюки, белые туфли, белые носки. Рюкзак красный. До потолка солнца нужно оказаться подальше. Двинулся.

Под давлением рюкзака ноги тяжело разъезжаются в песке, но я счастлив. Продвижение в неведомое всё отраднее.

Что там за проступающим и проступающим горизонтом? Движение от горизонта к горизонту таит и дарит более живой и более зримый смысл в отличие от ложных, вымученных смыслов, которые мы набираем себе от горизонта рождения до горизонта смерти...

Временами барханы сменяются разливами солончаков, по которым идти радостное довольство.

При моём приближении кузнечики срывались с кустов и далеко летели, восторженно трепеща и мерцая синими и красными крыльями. Но иногда срываются целые калейдо-

скопические массивы их, шершавя весь объём воздуха и расплепляя цветными фейерверками небо.

Вдруг между кустов казались серые и тёмные булыжники – черепахи.

Солнце принялось за работу. Разогрело воздух и он стал ходить горячими наплывами. Прожарка глины, песка и вот всё занимается маревом нестерпимой жгучести.

Во всём белом я шёл белым негативом по раскалённому позитиву. Через час негатив стал выбирать себе место для завтрака.

Каблуком выбиваю несколько сухих кустов, уплотняю и разделяю на части. На одну из частей бросаю сетку. Ставлю воду в консервной банке. Она легче котелка, а это выигранные граммы воды, которых может не хватить, чтобы остаться в сознании и выползти из песков.

Поджигаю. Кусок копчёной колбасы, твёрдости мумии Рамзеса, в надежде на такую же её сохраняемость. Когда бы ты ел её каждый атом с такой жадностью, счастливо оглядывая всё вокруг!?!...

Чай для меня это всегда минуты торжества надо всем.

Забываю всё, и душа разливается, воспаряется, возносится даже незнаю куда. К чему тридцать лет смотреть в пупок чтобы достичь нерванны... налей стакан чая! Обязательно в стеклянном гранёном стакане. Я не понимаю фарфоровой посуды для чая. Мне нужно рассматривать чай сквозь стакан, любоваться преломлениями света и цвета его в гранях,

как люблюсь преломлениями света и цвета в гранях топаза «чайного цвета»... Без подстаканника, обжигая пальцы и губы.

Обжигаю пальцы и губы. Завтрак сжат во времени.

Иду, не теряя атаки на горизонт.

Вдалеке что-то бежало. То ли шакал, то ли лисица... Остановилось, глядело на меня, затем побежало вновь. Птиц мало. Иногда в горячую синь зависают какие-то жаворонковые. Иногда грызуны выскакивают из под ног, и скорость исчезновения их чрезвычайна. Мелькание юрких ящериц обыкновенно. Поднял по ходу попавшуюся черепаху. Что-то в них есть неопознаваемое как в НЛЮ.

Солнце единым жёгом давит пустыню.

Живое исчезло, но я стоически не замечаю безумного жара, пухавшего в лицо. Пройду день, а завтра буду знать что, сколько и по какой цене в пустыне.

Солончаки уже не попадались. Волны песка приняли все условия ветра да так и застыли до следующих его указаний. Иногда мелкочастотные песчаные волны, свободно выписываемые неведомой дореальностью, заворачивались, складывались и разбегались в столь заворот-волшебные иероглифы, что мне стоило труда преодолевать их гипнотизм. Если кто-то пишет из дореальности, кто-то должен считывать из надреальности... Воды на разглядывание иероглифов нет. К обеду пустыня была моей, и я шёл не испытывая ничего, кроме радостного полоумия.

Кожу с меня пустыня сдерёт, но попозже. Попытки на десерт. Дуэль с пустыней буду отдвигать сколько можно.

Обед роскошен. Та же колбаса, только кусок длиннее.

Я заслужил его, за спиной осталось много песка.

И вновь атака на горизонт.

Остановил ход лишь когда ориентиры на горизонте перестали быть различимы.

Первая ночь в песках. Кустарник всё ещё виден, но уже через минуты вынужден включить фонарик. Темнота всё больше сжимает. Луч фонаря лишь подчёркивает мою сдавленность тьмой. Звёзды проступили... и теперь Вселенная навалилась на меня всем своим мраком...

Я бегаю и судорожно высвечиваю сухие кустики и нервно выдёргиваю их. Рюкзак отчуждённо валяется. Место для костра готовлю наощупь. Сдавленному тьмой в диком месте почему-то кажется, что существование вообще не имеет обоснования, а уверенность не то что в будущем, а в следующей минуте противоестественна.

Наконец достаю спички. Кустарник вспыхнул и весело расверкался, разгоняя во все стороны и сжавшую меня тьму, и все глядевшие из неё жуткие маски.

Я блаженно прилёг на рюкзак. Всё, я у себя дома...

Свет, тепло, радость, уют, печка и живой собеседник, говорящий весёлыми языками, что так хорошо будет и завтра, и потом, и всегда... и это всё – стоит лишь чиркнуть спичкой!!!!

Я наслаждаюсь чаем и огнём сколько было кустарника. Огонь кончился, всё исчезло, и ночь облекла меня.

Галактика лежит на мне... Плески крупных звёзд будто достают до песков. Стали видны барханы в голубом потустороннем свете.

Звёзды по всей Галактике переглядываются наперечёт...

Они будто синхронизируют своё присутствие в ней, и будто отчитываются передо мной о производимой ими работе.

Что ж, может быть. Если все лучи и линии сходятся во мне и я центр всего, пусть мнимый, тогда действительно звёзды должны отчитываться передо мной.

Непредставимый физический провал физического пространства мнимо расплющивается в мнимую сферу. Будь наше сознание способно считывать действительные расстояния в звёздном небе, тогда безумие было бы нормой и считалось здравомыслием. Само здравомыслие – без умие, которое защищает нас от действительного сознания, действительного здравомыслия, адекватного, когерентного Всему... даже минуту которого нам не пережить.

Сама реальность скрыта и никогда нам не показывалась, и мы существуем в некоей мнимости. Что ж, спасибо и за то.

Сон мой не был беспечным. Казалось подполз уже тот, кто способен объявить мне высшую меру и тут же привести её в исполнение. Юридических оснований у него для этого нет, я люблю животных, да чужая душа потёмки, тем более ночью...

День второй

Но так никого и не было. В рассветной блеклости на песке обнаруживаю следы крупного животного. Это не хищник, это осёл, один из тех кого хозяин выгоняет в солончаки на пенсию.

Иду хорошо, сильно. Первое же серьёзное солнце жалит кожу прежде чем содрать её. Вчера я был слишком беспечен и позволил коже сгореть.

Появились крупные барханы. Через час я осознал, что не видел на них ни кустика. Без чая и огня нет и половины удовольствия. Я задумался и сделал открытие: в ложинах между барханами должны застревать сухие кусты, гоняемые по пустыне ветром.

И вот он – первый куст. Я понял радость учёного, открывшего планету Плутон у себя в голове. Затем попались ещё и ещё, нужно было только присматриваться. Найденные кусты привязываю к рюкзаку.

Стоп. Короткий чай. И дальше, дальше, как можно дальше. Ветер тащит жар с поверхности барханов и бросает на меня. Ноги через обувь стало прижигать. Ядовитый свет разъедает кожу. Пошли волдыри, губы воспалились.

Довольный своим чуть ли не мужеством я шёл и шёл, лез и лез, высвобождаясь из неожиданных обвалов песка.

Бросаю рюкзак. Обед. Если так и дальше пойдёт – просто

одно удовольствие. Кустики берегу и огонь для чая минимальный. Поднимаю пластиковую бутылку с водой и вдруг какая-то тяжёлая серебристая лента выбивает её у меня из рук. Гюрза!!!! У меня мгновение чтобы отскочить, и я отскакиваю и отбегаю шагов на десять. А, милая, промазала! Змея не стала гонять меня по пустыне, а встала и зависла над рюкзаком.

Здрасьте! Как мы с Вами давно не виделись!

В такую жару, без противоядия, я бы остался лежать у рюкзака. Местное население – грызуны, сначала сожрали бы мою колбасу, потом меня.

Гюрзу я забросал песком и она, ворча про себя что мы, мол, с тобой ещё встретимся, удалилась. Вернувшись к рюкзаку я обнаружил причину сакрального происшествия – нора.

Гюрза сидела у себя дома и изливалась ядом, глядя как бесцеремонно я расположился в её прихожей. Нелёгкая жизнь, жара, нервы и змея бросилась. Отныне тщательный осмотр места даже краткого приземления. Пока всё хорошо, если бы не эта ядовитая дура.

Вечером у костра я разомлел, разъехался во все стороны и проснулся в самую глубину ночи.

Галактика звёздным мостом перекинулась через всю пустыню. Низко и немо над песками шла жёлтая звезда. По всем параметрам вида и перемещения – НЛЮ. Более десяти раз наблюдал я их издали, два раза воочию как крупные

объекты, а однажды...

Ночь... я в своей кровати. Вдруг меня приподнимает над кроватью... ногами вперёд несёт сквозь закрытую дверь и веранду и... ногами вперёд с невероятной скоростью врезаюсь в звёзды...

Вновь открываю глаза. Я в круглом металлическом помещении. Лежу на алюминиевой каталке, наподобие больничной. Ещё две каталки вдоль круглой стены. Замечаю, что колёса на ножках каталок отсутствуют. Лежу на голом металле, но никаких неудобств не чувствую. Источника освещения нет, но всё самоясно видно. Справа вход в этот маленький зальчик. Спокойно понимаю где я и не испытываю ничего кроме любопытства.

В проём с полукруглым верхом входят трое: высокие, стройные, в чёрных водолазных костюмах. Лица открыты, но я их не вижу. Подходят ко мне. Смотрят не на меня, а в меня.

Изо всех сил вглядываюсь в лица – не вижу, не разрешают видеть...

Открываю глаза... вновь в своей кровати.

Нам привычно думать, что мы наблюдаем их как эпизодические объекты в нашем мире, а меж тем мы, с самого невнятного нашего зарождения как вида, существуем в их вольере для первобытно мыслящих, и свободны не более зверей африканских национальных парков.

Я долго ещё был погружён в звёзды... мне всегда казалось,

что я там нечто вижу и нечто слышу. Неужели моё зрение и слух так никогда и не прорежутся?

А нет ли возможности уже нашим сознанием существовать в пространстве кишачих вокруг сверхразвитых цивилизаций? Тогда мы вышли бы на общецивилизационный, залитый светом высших сознаний проспект, пусть даже в качестве аборигенов, и стали бы свободны... от самих себя.

День третий

Открыл глаза в рассвет. Кожа пришла в себя и я вскочил, готовый к исполнению обязанностей ненормального, затеявшего этот переход.

Гюрза всё-таки подпустила в меня какого-то яда... я стал ещё веселее. Что ж, этот запас весёлости пригодится когда не станет воды.

Иду, чуть не бегу. Вперёд, вперёд. Как хорошо, пусть суррогатный, но смысл – вперёд, вперёд. Материала на костёрчик нет, но я надеялся содрать с облысевшей пустыни хоть клочок. Содрал.

Солнце выскочило вверх. Волны ещё прохладных песков дышат океанским покоем. Солнце разжигалось. Неужели я когда-нибудь перестану идти? Почему перестану? Каждый день буду вставать и идти.

Пошло жарение всего... Песок так слепил, что я несколько раз сваливался с барханов, не видя опоры под ногами, но летел и плыл в песке с удовольствием, не раздражаясь необходимостью приведения себя в исходное положение.

Сегодня у солнца ядовито-лазерная пронзительность. Иссжжение столь серьёзно, что кожа разваливается на лохмотья. Из рюкзака на песок летят колбаса, спички, хлеб, бутылки. Достаяю со дна вторую рубашку и простыню.

Иду с перекрытыми простыней сознанием и зрением.

Из под простыни всюду однообразный, выжженный рельеф.

Пески будто горят. Барханы волна за волной досылают и досылают пыхи жара. Солнце опустилось над простынёй, чтобы сквозь неё изъязвлять меня. И, действительно, на коже появились участки с сукровицей, напоминающие язвы.

Весело-радостно кричала кипящая вода на костерке... Высунув руку из под простыни, готовлю чай. Втаскиваю под простыню. Какая ослепительность существования! Чего стоит каждый такой глоток!

Но и под простынёй солнце и песок отжигают меня, но за бортом простыни светоизвержение. Не верится, что встану и пойду. Встал и пошёл.

Моя белая простыня вдруг наполняется горящим ветром, и лицо ожигает. Ветер поднимает с вершин барханов песок и, крутя, тащит сколько есть сил. Раскалённые песчинки, будто угольки из костра, влетают под брюки и вжигаются в кожу. Летящий песок расверкался в адском солнце и, впиваясь, жалит уже лицо и шею.

Простыня расхлопалась от ветра и может вырваться из рук и улететь навсегда. Ветер стал бегать в разные стороны и простыня как парус тащит меня за ним. Это был час предельного солнечного биения.

Упал на обед.

Я прошёл первый отжиг как горшок в огне. При таком ветре пучок сушняка сгорает с рёвом, как в сопле реактивного двигателя, не успев произвести полезного действия. И толь-

ко большое искусство позволяет вскипятить два стакана воды. При таких температурах пластик выделил в воду столько яда, что перебить его вкус может лишь заварка чая.

Подобьём итоги: я молодец, колбаса кончается, приступаю к консервам. Жаль, в колбасе есть что-то очень весёлое.

Солнце, ветер, песок затихли и я иду хорошо, фамильярно приветствуя граждан пустыни – пауков, мышей, скорпионов, и даже саранчу. С черепахами здороваюсь за руку, а к змеям не могу преодолеть холода официоза.

Стоп. За минуту из песка готово императорское ложе. Бу-тылки с водой – подушка, рюкзак им опора. На всё набрасываю дорожку из современного антигравитационного материала. Дворцовая роскошь. Перед сном произвожу мысленное расхождение моей траектории с траекторией каракурта. Другой защиты нет.

Ужин – последний кусок колбасы.

Разваливаюсь, чтобы не помнить тела и дать ему восстановиться. Куда-то плыву от самого себя в незнаемо-неведомо-непонимаемое... какое глубокое потустороннее наслаждение... Когда вплываешь в сон осознать невозможно.

Открываю глаза в звёзды...

Земля своей плоскостью уже не резала глобулу мира пополам, а будто ушла из-под меня и оказалась в бездне, наравне с остальными участниками небесного движения.

Звёзды малой величины судорожно стаккатировали, пытаясь передать какие-то срочные сообщения. Совокуп-

ность ли неведомых сознаний в пространстве этих звёзд или сами звёзды стаккатируют, распознать невозможно.

Звёзды первой и второй величины флуктуируют галактические тайны в явь, выговаривая их с очевидностью прямой речи... Меж ними ходят, плавают точения, будто распустившиеся в блаженство души... Все эти точения, хождения, флуктуации сливаются в единый радиохорал, и мне казалось что я слышу его зрением, а вижу слухом.

Я долго всматриваюсь и вслушиваюсь в его потоки, медленно исследуя особые сгустки и истечения его. Безотрывно перехожу из одного сгустка к другому, просматривая-прослушивая импульсы чувственных сообщений каждого.

Иногда казалось – из данного участка прорываются фрагменты категорического ясновысказывания, так ясного, что я не могу его различить лишь по причине высокой скорости прохождения сигнала.

Радиохорал угасал, но вдруг стали вызначаться какие-то видеовнутренности, видеокишки Галактики. Стала видна светлая тьма цивилизаций, подобие комариной тучи, и безумные их переклики живым, мгновенным, действенным способом. Светлая тьма их сгущалась куда-то в глубину...

Через несбыточные провалы пространств дотягивались, показывались, доносились переполненные хоры высших чувствий, распады трагедий счастья, истязания лютостями рая, молящие изъязвления души живого... как естественное

пробывание космического роя существ глубин Галактики.

Я очнулся... хватит, бред. Возможно, гигантский чистый экран пустыни способствовал развёртке бреда... или... телепатическому приёму? А почему не приволочь сюда действительного телепата и не ткнуть его мордой в Галактику?

Ткнуть мордой в Галактику хотелось бы и сторонников теории Большого Взрыва Глупости. Автор нездоровой теории – больной человек. Но остальной-то миллион учёных здоров!

Наши знания о пространстве = 0, о материи = 0, о гравитации = 0, об атоме = 0, об электромагн. волне = 0, о времени = 0. На основе совершенного незнания можно говорить, а лучше молоть, лишь совершенную чепуху.

Теория Б. Взрыва легко проверяется и теоретически и практически.

Теоретическая проверка. Засунуть миллиарды галактик обратно в точку у теоретиков не получается уже потому, что они говорят что получается. Если получается – пусть засунут.

Практическая проверка. Если мифически сверхплотная точка получила невероятную степень разряжения до миллиардов галактик, то вещество галактик, а это в основном жидкость звёзд, находится в столь невероятной степени разряжённости, что должно сжиматься обратно с невероятной же лёгкостью.

Учебник начальной физики никогда не скрывал не только

от школьников, но даже от учёных, что... жидкости не сжимаются.

Это значит, что материя Вселенной уже находится в сверхсжатом стабильном состоянии, и к дальнейшему самосжатию естественным образом не способна. Звёзды по достижении некоторой критической величины сжатия взрываются. Стоит материю Вселенной сжать всего лишь до критической величины сжатия взрывающихся звёзд, а Вселенная как раз и состоит из звёзд, и Вселенная взорвётся уже сейчас, не сделав и шага по направлению к сжатию в точку.

Но это значит, что Вселенная никогда в одной точке не находилась по причине принципиальной физической неспособности к самосжатию в точку. Это же значит, что вопрос о происхождении Вселенной как минимум сформулирован некорректно уже потому, что в этом вопросе игнорируется возможность для Вселенной не иметь происхождения, а следовательно и не иметь исчисляемого времени существования.

Мы так боимся истины, что задаём вопросы обязательно содержащие в себе ответ. Тогда зачем мы их задаём?

Экзотически сжатый остаток, получаемый взрывом сверхновой в виде пульсара, ничем не отличается от экзотических состояний вещества, получаемых в лабораториях. Это сверхсжатие получено сверхвзрывом звезды и является сопутствующим взрыву частным, экзотическим эффектом,

очень специфическим квантовым осадком взрыва, и потому не может быть ни фактом, ни примером теоретически самоестественного самосжатия всей материи Вселенной в точку. Тем более что основная масса звезды получает в этом процессе не сжатие, а расширение. Взрывается основная масса звезды, а сжимается ничтожная её часть именно за счёт взрыва.

Легко зарабатывать учёные степени обсасыванием дешёвой карамели псевдотеории на виду у всего человечества дураков.

Доказательство невозможности расширения-сжатия Вселенной автоматически есть доказательство её стационарности, в которой так уютно за обедом принять рюмку второго закона термодинамики. При гипотетическом расширении или сжатии Вселенной расстояния между объектами будут меняться. Расстояния между галактиками, звёздами, планетами и атомами прежде всего энергетическая сущность, а потом уже пространственная. Второй закон термодинамики при расширении или сжатии будет нарушаться ежемгновенно. Но этот закон не подводил в суммарных результатах даже в нетривиальных дебрях полоумной квантовой физики!

Нет доказательств что пульсары и магнитары не получены некими лаборантами при взрывах сверхновых и гиперновых. Эти объекты развешаны по Вселенной, возможно, в виде маяков и источников магнитных импульсов для двигателей кораблей, вероятно, при любом удалении кораблей от источни-

ка этих импульсов по неизвестным нам каналам.

Кстати, гравитация этих объектов может быть искусственной, фальшивой, не обеспеченной массой, недаром скорость их вращения невероятна. А мы приписываем удельному весу вещества этих объектов немислимую массу. Это хорошо объясняет теоретические непреодолимости в обосновании длительного существования таких объектов, а тем более их поверхностных слоёв как в квантовом, так и в простом центробежном смысле. В этой скорости вращения и при их массе пульсары и магнитары, если это естественные объекты, не могут не быть тончайшими блинами с соотношением толщины и диаметра как минимум порядка 1: 1 000 000 000

А мы наблюдаем точечные, сферические объекты, что доказательно говорит об их искусственном происхождении.

Слон пукнул. Разве это не научный факт? Но слон и сам не стал бы пукать, не будучи точно уверен, что его пук фундаментально научно обоснован предшествующими пук-процессами.

Чем обосновать беспричинный пук одной точки в Большой Взрыв один больной и миллион здоровых больных не знают, но утверждают, что все мы уже находимся внутри этого пука, и все в этом расширяющемся пуке и умрём.

Автор обиделся. Автор этот миллион называет овцами. Чтобы не называть баранами. Но лишь до времени, когда «баран» станет научным термином для обозначения уровня проявленной высшей умственной деятельности. Автор

не против чтобы бараны паслись где и как им угодно, и в любом количестве, если бы на содержание этих баранов и на их умственную деятельность не тратились деньги человечества, в том числе и личные деньги автора – автор человек, и его физический вес входит в вес общечеловеческой массы.

Точка, размером с атом, содержащая всю обозримую в телескопы материю, не способна просуществовать и мгновения, не взорвавшись. А меж тем точка, или её процессная проточка, «молчала» в этом замороженном, невзрывающемся состоянии некоторый полубесконечный период, что невозможно. Или возможно, но лишь у теоретиков, которые даже в учёной среде идут за фрайеров мутной, квантовой неопределённости, никогда не отвечающих за свой базар. И появилась то ли из ничего, то ли из чёрт знает чего. Спасибо за такую науку, больше не надо, религии вполне достаточно. Химеры религии забавнее.

В 1969 году автор этой книги сделал открытие, невероятность которого была для всего мира разительной, и поговаривали о присуждении автору нескольких Нобелевских премий. В одну Нобелевку такое открытие не запихнёшь.

Описание открытия.

Когда Солнце находится в зените, оно находится на расстоянии 8 световых минут от Земли. К вечеру Солнце приближается к горизонту и сильно краснеет. Степень покраснения Солнца есть следствие расширения Вселенной по Эйнштейну и эффекта Доплера по Доплеру. По ним автор и вы-

числил, что к вечеру Солнце удаляется от Земли со скоростью света на расстояние 6 световых часов, а к утру возвращается и восходит.

Астрономы вытащили свои умные глаза из телескопов и катались со смеху по всем полам всех обсерваторий мира, прочитав в утренних газетах об открытии автора.

Отчего ж они не катались, и до сих пор не катаются по всем полам мира, а не только обсерваторий, прочитав о красных объектах, открытых астрономом Хабблом по концам видимого космоса, покраснение которых трактовалось не естественной суммарной плотностью газо-пылевого загрязнения космоса до этих объектов, а противоестественным в данном случае удалением объектов в эффекте Доплера, а впоследствии и сосудисто-мозгового расширения Вселенной, случившегося к тому времени в голове Эйнштейна. А дальше этого времени расширение в голове Эйнштейна поставили впереди головы Доплера, которая расширяла Вселенную не столь экстенсивно. Как расширителю голове Эйнштейна не было равных, но можно было обойтись простой таблеткой от головной боли.

В вычислениях мировых умников красные объекты, а это целые галактики, удалялись, и сейчас удаляются у них в головах с световой скоростью!!!?... Галактики!!! Галактикам можно, а Солнцу автора, на тех же основаниях, нельзя!

На эти нелепости наклеили ещё одну. Случайно было открыто невнятное, но устойчивое электромагнитное шипе-

ние неизвестной, но чем-то недовольной гадюки. За гадюкой установили наблюдение – и правда, гадюка шипит, и шипеть не перестаёт. Из этого заключили, что шипение реликтовое. У самой гадюки никто ничего не спрашивал. Шипит – значит реликтовое. Но предположим шипит не гадюка, а среднесуммирующаяся мусорная зона взаимодействия всех эл. магн. волн, которыми напичкано пространство, и такая зона должна быть обязательно, и должна выражаться довольно чётко в результирующей среднеарифметической между всеми волнами волне.

Предсказывали реликтовое, а открыли «мусорное» излучение. Автор просит открытие шипения переоформить на него. Открытие состоит не в том, чтобы услышать шипение, а в том, чтобы правильно объяснить его природу. Научное предсказание, сделанное автором, может быть предсказанием и сильно потом после наблюдения шипения гадюки сельскими жителями. С чем автор просит мировое научное сообщество согласиться.

Да, некое шипение было предсказано, но оно никак не вытекает из самой теории, а главное – никак не подтверждает теорию. Реликтовое излучение в рамках теории Большого, но Очень Дурного Взрыва, не способно было бы сохраниться, испытай Вселенная метаморфозу от точки до нынешних размеров. Электромагнитная волна реликтового излучения, при гипотетической микроскопичности протовселенной, очень быстро и очень давно растянулась бы, вырав-

нилась в прямую и растворилась бы бесследно. Открыт всего лишь очередной, и не последний вид излучения, наряду с другими открытыми. Почему «реликтовое»?

Подведём итоги. Автор живёт в убогом строении с протекающей крышей гнилого шифера. Трещины по стенам развиваются и расширяются быстрее Вселенной после Дурацкого Взрыва. По данным на исследования теории Б. Взрыва истрачено 740 миллиардов долларов. На прояснение в умных головах что теория ахинея-дурацкая уйдёт ещё в 10 раз больше – 7,4 триллиона долларов. Автор, прояснив теорию умным головам на 7,4 триллиона долларов раньше, заработал эти триллионы для человечества. Отдайте автору, как члену общечеловеческого базара, из заработанных им денег хотя бы миллион, и не обязательно этот миллион заворачивать в Нобелевскую бумажку.

Зачем мне лично всё это нужно? Какое мне дело до теорий, забивающих моё пространство ватой, не позволяющих ни видеть, ни дышать? Это ответ, а не вопрос. Какое мне лично дело до Туманности Андромеды или до галактик «Самбреро», «Головастик» и до миллионов других, без имени, анонимно живущих под нашей нумерацией?? Очень нужно. Прямое. Как до этой пустыни. Путешествуя по пустыне я путешествую и по Вселенной, и внутри себя неотделимо. Пустыня, бездна космоса, космос квантовых образований, теории, пальпирующие всё это – моё прямое пространство, пространство моего «Я».

Сна уже не будет. Попробовать идти ночью? Оказалось возможно. Сваливаюсь с барханов по той же причине – ослепление. Днём от света, ночью от мрака. Какая разница? С фонариком идти неприятно, будто заблудился в бесконечности, из которой уже никуда никогда не выйти. Выключил.

Без фонарика падаю чаще, но вижу один чистый, слитный объём песчаной и звёздной пустынь. Они покоятся в полном разлитии, взаимооживляя друг друга...

Однако привязка к неподвижной звезде, несуществование горизонта, шаги прямо во тьму с падениями утвердили впечатление, что всё это я проделываю на одном месте, будто пытаюсь продвигаться в Небытии, продвижение в котором вообще невозможно. Вдруг за спиной раздалось сильное взбучивание песка, хрип, дых, и мимо меня проскочило какое-то большое двуногое существо...

Слабонервные! Не ходите сюда, будьте умнее самих себя! У вас там есть всё – для счастья достаточно более чем. А сюда не ходите!

Я бросился на песок и исчез. Меня нет. Но пустыня проглотила и существо, и все звуки, связанные с ним.

Сон до утра не случился. Следы ни о чём не говорили, на песке они слишком неопределённые. Но мгновенный ужас имел странное следствие – я будто выспался навсегда.

Это был не человек... иначе бы он остановился и попросил закурить.

Я понимаю что иду уже по трухлявой верёвочке, которой

легче оборваться, чем дать пройти мне до конца.

День четвёртый

Я иду, и мне вернулось моё обычное смешливо-радостное настроение, сбитое ночью жутко пробежавшим мимо несмешным нечеловеком. Зацепка за горизонт растаяла. Идеальная линия.

Оглядываю горизонт по кругу – он всюду одинаков, будто на палубе посреди океана. Иду по солнцу, но и оно стало подползать к зениту и ориентироваться по нему уже опасно, можно куда-нибудь уйти потерей критического времени.

Лишь однажды заметив неверное поведение стрелки, компас убрал. В разведке за это убирают действительно.

Часа два придётся переждать. Что ж, проживём эти два часа всласть.

Солнце стало и взожгло идеально круглый стол пустыни. На плоскости стола от моего красного рюкзака можно отойти куда угодно – виден отовсюду. Рюкзак моё стойбище и моя жизнь – в нём вода. Удаляюсь от рюкзака будто астронавт от корабля на неведомой планете.

Сама эта плоскость будто живое поле какого-то иного сознания.

Скорпионы приветствуют меня поднятыми хвостами и я победно иду меж ними как Цезарь, только что отметеливший Помпея.

Никогда не сорву живого куста. Во мне разливается мо-

литвенное состояние когда вижу корни, даже здесь вцепившиеся в жизнь. Собираю редкий сушняк. Здесь он не задерживается, ветер со стола сметает всё.

Немое цепенение раскала... Палевая дымка жёга села на горизонт и дёргается, выделявая лихорадочные синусоиды. Редкие среди песка участки глинистой почвы жестоко разорваны трещинами и покрыты выступающей соляной победальностью. Ржавый песок, перенесший столько отжигов, редкая белесо-серебристая растительность... всё сливается в живом забвении зримого жара...

Круглый стол пустыни теперь круглая калящая чаша.

Чаша непрестанно исторгает дыхи жара, и они уходят вверх и разжаривают там синеву. Плотный слой всё ожигающего воздуха прихотливо плавает, живо преломляя через себя всё что видит глаз. Тягучая вязкость зноя принуждает чашу раскатываться длинными периодическими волнами...

Собранный сушняк для костра не вспыхивает, а взрывается. Валяюсь со стаканом чая, исжигаясь со всей пустыней.

Надо же, всюду далеко всё видно, я свободен, а куда идти неясно. Ну чем не аллегория жизни. В этой точке с идеальным кругом горизонта нет ни вчера, ни завтра, а только настоящее.

Я в эпицентре настоящего...

Но это настоящее – мгновение, в которое нас разместили рождением. Мгновение назад нас уже нет, мгновение вперёд нас ещё нет. Из него-то мы и выглядываем, в нём-то и живём,

в нём даже наворотили цивилизацию, и в этом же мгновении исчезаем. Да только нужны были миллиардолетия усилий организмов, с постоянными жертвами и отмираниями всех, чтобы мы получили возможность выглядывать хотя бы из мгновения... накопив глаз разума – чем-то нужно выглядывать и понимать что видишь...

Цените эту возможность, пользуйтесь этой возможностью! Выглядывайте! Выглядывайте! Выглядывайте!

Вцепитесь в мгновение, хохочите, рыдайте в мгновении, но не отпускайте его!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Пора. Вырываюсь из идеального круга.

Солнце ярило. Ярило ярило. Плещет и плещет расплавом.

Иду на бушующий, изжигающий диск...

Мы ещё не понимаем счастья быть так близко к звезде, выощущать её всем, обладать звездой...

Глаза расслеплись нестерпимостью света. Сознание ввёрнуто внутрь. Ярые пыхи жара бьют непреставая.

Я иссжжён. Кожа подошвы ног приглась и каждое ступление испытание. Подошвы туфель сейчас единственная территория моего обитания. Все поверхности вокруг неприкасаемы. Потеряешь сознание – упадёшь, сгоришь как гусеница попавшая в угли.

Разъязвления кожи через простыню и две рубашки. Если мы так близки к звезде, чего ей не плюнуть в нас хорошим протуберанцем? А не глотнули динозавры протуберанца?

Вновь барханы. Падения при спусках опасны прикасани-

ями к песку. Гнёт пережара затрудняет вглатывание воздуха.

Дохи солнца слабеют, и скоро оно свалилось с неба.

Еле добрёл до темноты и бухнулся в бесчувствии.

Ухищрения бережливости не надолго продляют жизнь огонька. Ночь в невнятных переходах от сна к забытию и обратно. Лишь к утру стал облекаться в силы.

День пятый

Утро тихо, прекрасно, как весенняя колючка.

Кожа содрана, тело в язвах. Плечи изжжены, лямки рюкзака их пытаются. Лицо разранено, разбухло. Впрочем, я пригласил себя сюда сам.

Влево по курсу размелькалось неестественно белое пятно. Разобрать что там трудно по причине ходившего воздуха. Оказалось, известковое образование из нескольких скал и оторочки вокруг из осыпавшегося материала.

Остров среди песчаных волн неоглядной пустыни. Мистическая белизна острова в сухом океане слепит в зияющую синь неба.

Наконец дошёл. Осторожно прохожу между скал внутрь... К изумлению большая куча черепах, скорпионы по стенам, да две змеи были аборигенами затерянного мирка.

Внутреннее пространство оказалось небольшим, в сравнении с размерами всего образования. Змеи уползли. Черепахи перелезали друг через друга, ничуть не любопытствуя мнением оказавшихся снизу, и не придавая никакого значения чему бы-то ни было происходившему на их глазах. Не в этом ли секрет их долголетия?

Бросаю рюкзак в центре мирка, в котором и собираюсь позавтракать. В смысле топлива для костра мирок был лузой, в которую ветер забил несколько свежих шаровидных

кустов, да старого материала под стенами было предостаточно.

Завтрак прошёл весело, при огромном скоплении народа. Народ бесцеремонно лазит по мне и пытается съесть всё. Скорпионы только беспокоятся по стенам, но не могут преодолеть биологического и душевного барьера, и участия в завтраке не принимают. Змеи из аристократической брезгливости к народу не вышли.

Мой суп из говядины мог быть и черепашьим, но моя любовь к черепахам исключала эту вероятность. По крайней необходимости убью грызуна, зажарю и съем. Но птицу, черепаху – нет. Отчего мы одних животных убиваем, а другим животным раскрываем душу? Впрочем, домашним животным мы вначале раскрываем душу, а потом убиваем. Затем съедаем вместе с душевными заигрываниями в их мясе.

Но кто в них, с кем мы там в них разговариваем? И чем, как?

После вкусного супа я отпускаю себе час безоглядного счастья, играясь с черепахами и отмеряя глотки двух стаканов чая... последние глотки счастья перед дуэлью с пустыней.

Всё, прекрасные друзья мои. Наш с вами сеанс счастья кончен.

Расходимся... в Вечность... вы себе, я себе.

Но, прежде чем покину остров, хочу обойти его по осыпи.

Я попросил черепах присмотреть за рюкзаком, чтобы

в него не налезли скорпионы, и вышел наружу.

Ударный жар слепящего зноя варит меня.

Раскалённый известняк дышал ярый жёг. Свет набрал силу огня и выжигает камни и воздух. Белые скалы гудят доменными печами.

Разъяр огня света раслепляет сознание и оно плывёт то ли рядом, то ли где-то ещё.

Жарящий ветер прожигал.

Кристаллы кальцита алмазными высверками слепят ото всюду.

Калёный щебень под ногами, осыпаясь, журчит ворохом высоких, звонких, поющих звуков.

Еле выстаивая на ногах, шатаясь, будто вслепую, бреду и бреду по осыпи, тяжело бряцая ногами в щебень.

Плески щебня возвращают уплывающее сознание.

Иногда скалы вместе с небом опрокидываются на меня, иногда я вместе с островом опрокидываюсь на небо, и уже не знаю куда ставить ногу – на небо или на остров...

Моя белая одежда растрепливается ветром, и в белых скалах я кажусь привидением. Привидение добирается до поворота.

За поворотом из пустыни идёт горячий ветер, но он был мне хладящим в сравнении с тем, откуда я только что выбрался.

Всё. Вперёд.

Забрал рюкзак, попрощался со всеми, и бросился на го-

ризонт.

Ночь... Галактика мне не раскрылась. Будто одумалась, что слишком много увидел.

Обрушаясь в сон у огня, вдруг узнаю несколько звёзд, что в гостинице налипли на стёкла окна и намигивали смертью... Они бились сейчас равнопокойно, будто знали, что я всё равно окажусь здесь. И не их вина, что я тогда не внял им. Я отвернулся от звёзд к огню.

Воды мало. Где я сейчас неизвестно. Я будто протрезвел. Воды одна бутылка. Моя жизнь в этом сосуде, как у джина. Пить не буду. Крышку отверну когда буду терять сознание.

Чего обижаться на звёзды когда сам дурак.

День шестой

Отныне я просто пружина. Бросаюсь на барханы и на горизонт в одну точку и не вижу, не знаю больше ничего.

У меня ничего не болит, потому что я приказал себе это. Не только кожа, мясо может отваливаться – не почувствую.

Сил нет, только воля. Воля, как и вода, кончается.

Открываю крышку для сакрального глотка – с каждым глотком расстояние между жизнью и её прекращением уменьшается. Когда вода из бутылки попадает в рот – я понимаю её цену, и пью именно за эту цену.

Теперь я знаю что течёт в кране.

Солнце взвисло над головой и добивает.

Теряю сознание не теряя сознания.

Опрокидываюсь.

Глаза слезятся, слёзы образуют на глазах линзы.

Линзы увеличивают и без того всё изжигающий диск.

Вдруг показалось что Солнце будто смотрит на меня своим кругом...

Да пожалуйста! Внутренне я готов к любым миражным видеоклипам пустыни.

Но что это? Два чётких глаза выше средней линии диска... Превозмогаю обморочность, протираю глаза от слёз... всё равно диск увеличенный, всё равно два чётких глаза.

Глаза вживляются в меня живостью чувства... мы смот-

рим друг в друга в неменяемости живообмена...

Я и Солнце...

Страшно... даже если смотрю видео.

Глаза единственные, глаза всесилия, глаза – источник всего и всему, глаза самоданной, произначальной глубины протосознания...

В меня вживовсверливало целое, круглое, живое мегасущество...

Испугом, вне понятия о своём состоянии, и без того близком к издыханию, вскакиваю и бегу. Сила страха легко бежит меня и мой тяжёлый рюкзак вместе с моим обмороком...

Ужасом меня несёт ещё час, и за этот час я ни разу на Солнце не глянул.

Наконец споткнулся и влип вжигающий бархан. Но не отскочил, а обездвижился.. Стал пригорать и лишь этим приходиться в себя. Успокоился. Глаз у Солнца быть не может.

Это просто большая раскалённая капля из водорода и гелия. Чем капле смотреть?

Да при такой величине диск выжиг бы мне глаза.

Я бы посмеялся над непроисходившим происходившим, если бы не понимал, что из песков уже не выскакиваю. У Солнца – глаза. Ерунда. Однако эта ерунда заставила меня пробежать ещё час в нужном направлении.

Или не ерунда?

Я кисель. У киселя нет нервных структур, как у медузы,

и шевельнуть щупальцами не получается.

Мне не подняться.

Остаток дня мои застывающие глаза были глупо вытаращены в небо, как в случайной фотографии. Они что-то видели, но как бы с полным отсутствием меня. Я вышел в какую-то свободу вне тела и не мог понять почему не делал этого раньше. Это куда легче и свободнее существования в себе. Отплываю от рюкзака и делаю продвижение к большому бархану и обратно. Порезвился ещё, плавая над барханами, с восторгом удивляясь отсутствию необходимости прилагать усилия к любым изощрениям воздушных манёвров. Позабыл всё, и летал, летал, однако не теряя красного пятна рюкзака из глаз...

Случайно глянул на Солнце. Диск возбуждённо растрепливался как живое существо и стал нервически пульсировать, будто паук сольпуга перед нападением... жуткие глаза Солнца холодно вцелены в меня... вероятно, если я летал, я уже был без сознания, и мне не пришлось терять его по причине очередного забоя меня.

Диск неожиданно резко вплотил меня в себя, вглотнул... будто между нами не было никакого расстояния... и... я... внутри... Солнца...!!!!!! Понимаю, что я внутри лишь зрением, и потому существую мимо температуры. И даже ощущаю связь с собой, оставшимся в пустыне.

Вокруг... непрочисляемое месиво живых лиц без туловищ... Они промещаются мимо друга друга сквозь кише-

ния существ с телами океанического разнообразия. Часть этих океанических существ с околочеловеческими окололицами...

Через мгновения присутствия внутри Солнца, оказываюсь вновь в себе, в пустыне, спиной на рюкзаке. Пробую взлететь – не взлетаю. Совершенно точно знаю как взлететь – не взлетаю. Догадался... я жив. Что это было – сон, обморок, смерть или что-то неизвестное? Но плотность ощущений такова, что не сомневаюсь... я был внутри Солнца... .. Да, мгновения... но я там был!!!!!!!

Я видел население Солнца... Даже не понимаю. Снова.

Я видел население Солнца... Это что же... я видел население Солнца????? Да, я видел население Солнца!!!!!!!!!!

Солнце самый обитаемый объект солнечной системы. Глубины океана звезды кишат жизнью гуще глубин океанов Земли!!!!!

О фривольном поведении нескольких сот звёзд в центральных пропадах Галактики начали сплетничать астрономы, но так вяло-неядовито, что звёзды могут отказаться выделять циничные телодвижения относительно строгой гравитационной морали. Скоро, скоро чопорные астрономы увидят массовые выступления взбалмошно-придурашных звёзд центрально-галактической эстрады. И пьяно блуждающих где угодно по галактическим провинциям одичавших звёзд уж совсем непристойно-антигравитационного поведения. Мысль, что звёзды могут быть живыми существами

и могут перемещаться по произволу собственного звёздного сознания, или перемещаться техногенным фактором внутризвёздной цивилизации астрономам не поднять...

Автор видел много свободно и самостоятельно ползающих по Вселенной живых галактик. Или не видел. Но какое это имеет значение. Главное – эти галактики существуют. И они живые. И ползают. Чем массивнее галактика, тем ближе она к превращению своего субстрата в зародыш.

Все стадии превращения субстрата планетарных облаков, планет, газовых, газо-пылевых космических облаков, звёзд и галактик в зародыши этих объектов автором тщательно изучены. Разумеется, галактика в дозародышевом состоянии может перемещаться обобществлённым техногеном всего сонма цивилизаций, содержащихся в ней. Вступают ли в противоречие целевые побуждения обобществлённого сознания внутригалактических цивилизаций с возникшим моносознанием ожившей галактики автору сейчас неизвестно.

В смысле оживления планеты в более невыгодном состоянии по причине низких температур, а само живое существо планеты теснится в жидкой магме под яичной скорлупой твёрдой коры. Вероятный голос живого существа Земли записан в дырке Кольской скважины.

Последнее время участились разбойные нападения оживших галактик на дозародышевых или зародышевых, с целью поглощения их массы. Галактики ведут себя как простейшие, но у них есть на то причина: галактики и есть простей-

шие. Лишь в ином масштабе. Если просмотреть уголовную сводку астрономических фотопатрулей, на некоторых снимках совершенно противоестественные события.

Траектории галактик ещё на стадии выобразования естественным образом разведены так, что прямые столкновения, прямые врезания одной галактики в другую исключаются. Это не значит, что сближения галактик невозможны. Но при сближении таких объектов их траектории никогда, изначально никогда, уже на стадии формирования не направлены в разрез друг друга. Галактики обязательно пойдут по касательным и закружатся вокруг общего центра масс. Что образует, по причине величины их масс, столь долгое взаимовращение, что две галактики в этом взаимовращении составятся и умрут, но не столкнутся. Перетекание материала, как у двойных звёзд, естественно. Но не столкновение.

Прямые столкновения галактик естественным образом невозможны. А вот противоестественным для нас, и естественным для них, возможны.

При взаимовращении формы и углы взаимонаклона плоскостей галактик будут взаимоперестраиваться, взаимонивелируясь в одну общую плоскость вращения, но никак не сохраняя свои плоскости под углом. Если плоскости галактик во время нападения находятся под углом, это значит нападение было, по их масштабам времени, совершено почти мгновенно, разбойным образом, без времени на взаимонивелирование углов наклона плоскостей.

Что мы видим на снимках разбойных нападений? Чтобы получить такую картину когда одна галактика, почти не меняя своей спиралевидной формы, плоскости и угла наклона, вращаясь, распиливает собой другую галактику нужно, чтобы напавшая была или живая, или более высокого уровня техногена внутренних цивилизаций, задумавших напасть на соседнюю или менее живую, или меньшего уровня техногена объединённых внутренних цивилизаций.

Тогда... мы имеем единственное объяснение: галактика-хищник спокойно пасётся, показательно топя по траектории, безопасной для жертвы, затем резко, будучи живым существом, или ходом всеобщего техногена, или уже и тем и другим, срывается со своей естественной орбиты и устремляется к жертве в качестве объекта, свободного от окружающих гравитационных обязательств. Только так могут получиться картины межгалактических преступлений, которые мы с ужасом разглядываем на фотках телескопического астропатруля.

А в общем, ничего эдакого – одно простейшее поглотило другое ещё более простейшее. К нападениям галактик друг на друга принуждает истощение внутренних ресурсов, то есть голод. Но вначале цивилизации ядра галактики, как более ранние, выкачивают водород и другие сласти из периферийных звёзд, замещая его безвкусным гелием, и держатся тем некоторое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.